

Владимир Никитин

Трошківна
деревня

Владимир Никитин
Прошкина деревня

«Издательские решения»

Никитин В.

Прошкина деревня / В. Никитин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932447-4

«Прошкина деревня» — сборник рассказов кубанского прозаика, члена Союза писателей России Владимира Никитина. Герои его коротких рассказов, как правило, живут ли они в русских деревнях, хуторах, станицах и поселках, или же городские жители, не выдуманы автором, хотя почти ни у кого из них нет прямых прототипов. Они вобрали в себя характеры, признаки, поступки людей, с которыми много лет назад или вчера, позавчера встречался, исколесив тысячи журналистских дорог в разных уголках России, автор.

ISBN 978-5-44-932447-4

© Никитин В.
© Издательские решения

Содержание

Дед Прошка	6
Бессоница	8
Невольный убийца	14
Ополченец	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Прошкина деревня

Владимир Никитин

Корректор Татьяна Нечаева

Дизайнер обложки Татьяна Неопалимова

© Владимир Никитин, 2018

© Татьяна Неопалимова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-2447-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дед Прошка

Прошка проснулся глубокой ночью оттого, что у него заломило в боку. Кряхтя, он попытался приподняться или хотя бы лечь поудобней, как-то распрямить спину, но боль была такой нестерпимой, что он в изнеможении откинулся на подушку.

«Видать, печень моя недовольна присутствием в организме ненужных веществ, – пришло ему в голову. – И выпил-то я самую малость, совсем трошки, – продолжал он мысленно рассуждать. – А она, падлюка, печень-недотрога, бесится».

Держась за бок, он спустил свои высохшие ноги на голый пол, нащупал там шлепанцы и двинулся в другую комнату, которая служила ему сразу и прихожей и кухней. Нашупал на стенке выключатель, и тусклый свет хиленькой лампочки стрельнул по столу, на котором в беспорядке лежали хлеб, несколько помидорин и початая бутылка самогона. Его сивушный запах разносился по всему дому, и вряд ли кто, кроме Прошки, а точнее деда Прошки – ведь ему подкатывало под восемьдесят, мог стерпеть такой аромат.

Мужики, которые иной раз захаживали к деду, живущему на самом краю деревни, не раз укоряли его, мол, не то пьешь, вон водку опять в бывший колхозный ларь завезли. Ничем и не пахнет...

– То-то и оно, ничем. Потому что она не настоящая. Да и градусов в ней нема. Как-то был тут у меня один гость из района. Осталась водка, которую он привез. Мы её недопили. Я налил в тарелку, поджёл, а она ни хрена не горит. А мой самогон, он целительные свойства имеет. Хоть спину растирай, иль внутрь принимай.

– Это точно, – заготовали мужики. – В нём же градусов семьдесят, не меньше. Сразу почувешь, что почём.

– А что? – вдруг однажды задал своим очередным гостям дед Прошка, – мы, русские мужики, и самом деле, спиваемся?

– Что, дед, опять наслушался радива, иль ящика насмотрелся? Кто-то, мабуть, и спивается. А мы с устатку. Нароботаешься за день, хватанешь стакан и на боковую. Чтоб назавтра вновь вкалывать. Это ты давеча, наверно, лишку самогона своего хватанул?

– Чёй-то я, – оскорбился тогда дед Прошка. – Я и в молодости-то больше стакана сроду на грудь не принимал. А нонче, по причине возраста, полстакана – норма, но ведь гутарят про нас, что спиваемся?

– Ты, дед, в хате цельные дни не сиди. Пройди по улице. Глянь, что на подворьях растёт. Были бы мы пьянью, так один чертополох у нас в огородах и увидел. Меньше слушай всех этих болтунов.

– Слушай, не слушай, а поля-то голые, – не согласился тогда дед Прошка. – От фермы одна стена и осталась. Чё оно так?

– Чё, чё. Через плечо... И деревни тоже нет, – угрюмо бросил сидевший на углу стола кряжистый мужик с ястребиными глазами. – Всё схавали. И не поперхнулись... Налей-ка мне, дед, твоего самогоняку. Раззудил ты мне душу. Помнишь, как я тебя на работу зазывал, когда бригадирствовал? А какие урожаи мы тогда сымали?... И озимые у нас были, что надо. И картопель. И огурцы с тыквами.

– Ну, тыкву, её и дурак вырастит, – не унимался дед Прошка. – А вот огурцы в поле росли, да. Пупыристые такие.

– Да, ну тебя, дед, сам ты пупыристый, – засобирались мужики домой. – Поздно уже. Бабы ешо всполошатся.

Они ушли, а дед Прошка, словно могли его слышать, рассуждал вслух:

– Оно, конечно, нонешнее время всё по-другому расставило. Только вот пили-то мы и раньше. Но и робыли, как могли, по-крестьянски, не оставляя в поле ни одного неубранного

колоска. А теперь поля вообще стоят незасеянными. Рази это порядок? Земля, аки баба, рожать должна. Иначе она пустыней станет.

Тут он замолк, поняв, услышь его кто, решит, что спятил старик. Сам с собой гутарит. «А чего ж не гутарить, – уже мысленно рассуждал он, – когда остался один. Как нескошенный подсолнух в чистом поле». Забыли его срезать, вот он и чахнет, пока не засохнет осенней порой, расклёванный разными неразумными птахами.

Таких ночей, когда он сам с собой разговаривал, теперь было у него много. Но сегодняшней ему особо стало не по себе. Дарья его давно усопла. Лежит теперь одна на погосте и, небось, скучает. Он уж с неделю у неё не был из-за этого проклятого бока, будь он неладен. Сын сгинул на войне. На другой, чужой. В далёком Афгане.

Он пытался представить ту страну, где сложил его Тимоха свою голову, и не смог. Потому как, хотя сам и дошёл до самого Берлина в Отечественную, ничего и не помнит из того времени. Получил тяжёлое ранение и очнулся уже в госпитале на Украине.

Когда домой вернулся на родную Брянщину, от его родной деревни остались одни головешки. Все спалили супостаты. Но ничего, срубил себе хату, как и другие мужики, вернувшись с фронта, кто без руки, кто на культях. Знать бы раньше, что всё опять в разор пойдёт теперь уж от своих, и деревня будет тихо умирать...

«Эхе-хе, Дарьюшка, что ж ты меня одного здесь бросила, – бормотал дед Прошка, держась за правый бок, присев у стола. – Надо снадобья сварить».

Он пошарил по полке, что висела над столом. Нашел кисет, в котором теперь вместо махры травы всякие держал. Скипятил в котелке воды, ссыпал туда почти всё содержимое кисета. Нашел кусок марли, старый-престарый, кое-где уже с дырами, процедил мутную жидкость и, когда пошло чуть подостыло, выпил.

Походил по хате, внутри вроде стало меньше зудеть. Хотел было прилечь, но мысли всякие будоражили, и он, чтобы отвлечься, вышел во двор.

Уже рассвело, но солнце всё ещё пряталось где-то за горизонтом, и оттуда высвечивало багровым заревом.

«Как на войне», – усмехнулся дед Прошка, вышел со двора и медленно побрёл в сторону кладбища. Сейчас ему ничего не хотелось, только посидеть около Дарьи и спросить у неё, може она знает, спивается Расся, али нет.

Впереди темнело непаханое поле, и всё ещё торчал так и нескошенный подсолнух. А за спиной лежала покорная и умирающая его, прошкина, деревня.

«Даже, ежели, останется в ней хоть одна хата, она не умрет, его родная русская деревня», – вдруг решил дед Прошка, – как говаривал их взводный на той войне: «Если хоть один солдат остался жив, значит, нас не одолели».

Солнце уже выкатилось из-за горизонта. День обещал быть ясным и теплым.

Бессоница

В те кровавые московские дни, когда рушилась великая держава, Иван Иванович Смирнов жил в глухой деревушке, хотя и неподалёку от столицы, но это была такая Тмутаракань, что даже у колодца, где обычно обсуждаются все деревенские сплетни и какие-то иные новости, просочившиеся из районного центра, ничего путного нельзя было услышать. Да и в небольшом сельском магазинчике, который по старинке величали колхозной лавкой, судачили о том, о сём, но в основном о всякой всячине, не достойной слуха сельского интеллигента, каким считали в округе этого странного обитателя, прибывшего неизвестно откуда.

Объяснялось всё просто. Деревня Углово была настоящим медвежьим углом, возможно, она так потому и называлась. Здесь жили старые раскольники, вернее, праправнуки тех раскольников, что в далёкую грозненскую пору пошли за веру против царя. Многие из них тогда канули, а те, кто каким-то чудом уцелел, срубили себе в глухом бору деревянные избы и затаились. Да так, что и через века из той тьмы, куда сами себя погрузили, так и не выбрались.

Шло время. Менялась власть. В Углово красные прятались от белых, белые от красных. Даже один махновец здесь как-то объявился. Никто толком о нём ничего не знал. И когда кто-то из самых любопытных пытался расспросить, каким ветром занесло его в такую глухомань со своего Гуляй-поля, он обычно отмалчивался. При этом улыбался, хотя улыбка его была зловещей.

Поначалу, как и все угловчане, пил он местную бражку, которую величал горилкой, но вскоре соорудил себе самогонный аппарат. И потянулись к нему местные мужики перенимать опыт. Хотя и побаивались его: кто его знает, может, убивца какой. А потом он куда-то сгинул. Поехал в райцентр и пропал. То ли подался в родную степь, то ли захомотали его новые опричники.

И вот в один из метельных дней девяностого года оказался в этой глуши и Иван Иванович Смирнов. За пару бутылок столичной водки приобрёл на краю деревни старую покосившуюся хатенку, подправил её, обложил снаружи кирпичом и стал в ней жить.

С Москвой его теперь ничего не связывало. Своего жилья там у него не было. Да и сам он не был столичным жителем, хотя и стояла в его паспорте отметка: место рождения город Москва.

Москвичом он себя не считал, но столицу любил, обожал, но, конечно же, ту древнюю, с узкими московскими улочками, даже вблизи Кремля, пересекающими в самых неожиданных местах широкие проспекты. Эти улочки, выбегавшие к парковым зонам, скверам и необыкновенно родным московским прудам, где в былые времена можно и порыбачить, были дороги коренным москвичам.

В той любимой им Москве шестидесятых-семидесятых Смирнов бывал наездами, останавливался обычно в старомодных и весьма второразрядных гостиницах, а как-то несколько недель жил у своего старого приятеля в высотном по тем временам доме, из окон которого с верхних этажей виден был кусок кремлёвской стены.

Всё это было удивительно и романтично, а переулочек этот носил странное имя -Кривой. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Он и в самом деле изгибался, упираясь одним своим концом в широкий московский проспект, а другим – в себе подобный.

В той старой Москве Иван Иванович любил побродить по парку в Сокольниках, посидеть на скамейке в глубине тенистых аллей, или где-нибудь у облепленного ивами и густыми кустарниками пруда.

Москва конца восьмидесятых, начала девяностых, когда несколько лет всё же пожил в ней Иван Иванович, быстро становилась другой. Не древней русской столицей, а каким-то

чужим городом даже для тех, кто в тридцатые годы сюда «понаехал» по разнорядке. Не говоря уже о москвичах, кто жил в ней кажется со времён Ивана Калиты и Юрия Долгорукова.

Именно в девяностые в столицу хлынули разного рода дельцы, в том числе и инородцы, кому вся эта седая старина была, как говорится, по барабану. У них была не только другая вера, но и взгляды на своё место в ней. Москва, которая всегда была полузакрытым городом, вдруг стала превращаться в крупнейший торговый центр страны, еще существующей, но уже гибнущей социалистической державы. Всякого рода кооператоры ехали сюда не ради того, чтобы насладиться древней историей русской столицы, приобщиться к её традициям и культуре, а просто прибрать её к своим рукам.

А ещё в те времена в городе объявились крысы. Огромное количество. Иван Иванович сам видел, как визжали тормоза автомашин, помехой которым стали полчища этих мерзких тварей, переселяющихся из одних московских подвалов в другие. Крысы большими стаями перебегали московские дороги, словно демонстрируя своё пренебрежение к новым хозяевам столицы. А новоявленные кооператоры превращали эти подвалы в склады для предметов своей торговли или приспособляли для размещения в них многочисленных видеосалонов и питейных заведений.

– Да, – горестно вздыхали коренные москвичи, – даже крысы не выдержали этого нашествия. Не к добру это. Ох, не к добру...

В такой Москве Смирнову жить не хотелось. На его глазах рушились устои древнего города, менялся его облик, русские традиции. Столицу словно сдали в наём, превращая в большую торговую лавку.

Иван Иванович был разочарован и огорчён. Город напоминал ему растревоженный муравейник.

Когда-то Смирнов, любивший побродить по лесу, не раз зачарованный, останавливался у муравейника и с любопытством наблюдал за этими странными насекомыми. Как ему казалось, у них была своя иерархия, законы и порядок, сословия, и распределение обязанностей. И если случайно разворотить этот муравьиный холмик, они начинали беспокойно бегать и суетиться. Но очень скоро их бессмысленная беготня вдруг приобретала определённый смысл, и они начинали, каждый занятый своим делом, восстанавливать разрушенное жилище. Да нет, не жилище, а свою муравьиную коммуналку.

Вот и Москва девяностых напоминала растревоженный муравейник, но никто не хотел навести в ней порядок, чтобы она вернула себе свою древнюю столичную стать.

«Почему так? – размышлял Смирнов. – Почему муравьи могут, а такое разумное существо, коим являлся человек, разрушает?», – мучил он себя риторическими вопросами.

О последних событиях в столице Иван Иванович узнал от заезжего туриста, которого встретил на развилке дорог. Он и рассказал о том, что произошло. Главное, что узнал от него Смирнов: по Белому дому, где заседал Верховный Совет, стреляли. И есть жертвы. Подобного не было ни в одной стране. Стрелять в собственный парламент? Такое и в голову не могло прийти нормальному человеку.

Смирнов долго размышлял, что же происходит в стране, и самое главное – почему? Как получилось, что столицу сдали с потрохами. Да и вообще, что случилось с народом, который так легко поверил, что всё, что делалось раньше, было плохим. Жили не так, работали спустя рукава. А кто же тогда понастроил заводы и фабрики, гидростанции и другие гигантские сооружения? Разве, это всё не нужно? И самоотверженный труд миллионов людей был напрасным? И не было никакой Октябрьской революции, а просто переворот? А социализм – утопия? И если утопия, то почему же хваленая Европа, да и Америка тоже, взяли на вооружение не просто многие наши идеи, а наши льготы старикам, заботу о детях, нашу систему образования? Да многое то, чего у них раньше не было...

Ивана Ивановича мучили эти вопросы. Он и себя винил за те кровавые московские события, о которых ему рассказал заезжий турист. Будто и он предал и свою любимую Москву, и своё прошлое.

Будучи профессиональным историком, хотя наукой он не занимался, а стал журналистом, Смирнов понимал, что пройдёт время, и всё определится, всё встанет на свои места.

– Молодой человек, – говорил ему когда-то любимый педагог, профессор, преподававший у них в институте, – История – такая наука, она всё расставит по местам. Ничего не упустит.

«Расставит ли? – вспоминал он сейчас тот разговор в далёкие хрущёвские времена. – И снова смута?»

Вдруг ему в голову пришла мысль: «А может, тогда и рождалась сегодняшняя смута? И это нашествие на Москву? И кровавые события? Может, это и имел в виду любимый педагог? Но сколько лет с того времени прошло? И что? Всё сначала?» – мысль эта его и ошеломила, и растревожила.

После всего того, что узнал Иван Иванович о событиях в Москве, первым желанием было съездить в столицу. И было на чем. Незадолго до переезда в Углово Смирнов приобрёл старенький полуразбитый «жигулёнок». Но он всё откладывал эту поездку, опасаясь, что у него после посещения Москвы наступит полная депрессия.

И всё же в столицу он съездил, но уже спустя несколько месяцев после кровавых событий. Москва была уже притихшая и, как ему показалось, спокойная. Люди озабоченно шли по своим делам. Но тревога на их лицах чувствовалась. А ночью, за окном гостиницы слышались какие-то отдалённые хлопки, похожие на выстрелы.

Смирнов вернулся в своё Углово, в свой старенький дом на краю умирающей деревни. «А ведь она, – как-то подумалось ему, – как бы олицетворяет собой гибнущую державу. Неужели, так будет и со всей Россией?»

Он не знал, как жить ему дальше, куда податься, чем заняться. Дети его разбрелись по белу свету. Сын работал на Урале и звал его туда. Дочка жила в одной из кубанских станиц. Работала в местной поликлинике. Она тоже звала отца к себе, хотя отлично понимала, что он не приедет. И не только потому, что у неё было трое детей, и двое из них ещё школьники. Она хорошо знала своего отца, который долго не усидит на одном месте. Он, считала дочь, и в своём Углово тоже долго не задержится: не тот у него характер.

Иван Иванович и сам это отлично понимал, да и не мог он вдруг стать обузой для любимой Оксаны.

Пойти работать в районную газету? Но он давно отвык от редакционной суеты, да и масштабы были не те. Печатался он в своё время в областной и центральной прессе. А сейчас газеты служили новым господам, и такой, как он, им был не нужен. Ведь он всегда был в оппозиции к официальной власти, потому что считал – пресса должна защищать простого человека.

В те советские времена его почти всегда били. И в прямом, и в переносном смысле, тыкали в морду, указывали на дверь, а он продолжал гнуть свою линию.

Однажды Иван Иванович написал басню, и её напечатали в местной газете. А мелкие областные князьки (водились они и в советские времена) узнали себя, и его вызвали на «ковёр»:

– Это что? – вопил на него второй секретарь горкома партии, ведающий идеологией. – Это ты написал?

– Но басня не фельетон, – пытался он защититься. – Литературное произведение.

– Литературное произведение!? – аж задохнулся от ярости тот идеолог. – Да знаешь ли ты, что они, – он ткнул вверх палец. – Они...

– Что? Узнали себя? – не мог отказать себе в ехидстве Смирнов.

Странное дело, сегодня вспоминая тот эпизод, Иван Иванович почему-то с грустью думал о том времени. И с ностальгией... Хотя тогда... Много чего было с ним тогда. С ним, конечно,

разобрались. И хотя уволился он «по собственному желанию», но на работу ему даже в многотиражку в их маленьком провинциальном городке устроиться не удалось. Пришлось уехать.

Жена с ним не поехала:

– Я, извини, устала от твоей борьбы, – сказала она в сердцах. – Я никуда с тобой не поеду.

По крайней мере, пока.

Вскоре жена подала на развод и уехала. И вот теперь, вспоминая ту давнюю историю, он впервые задумался. А, может, и в самом деле он живёт не так, как следовало бы. С кем-то боролся, кому-то что-то доказывал. Кому и что? Теперь в тех же самых кабинетах сидят вроде бы другие чиновники. Но они – те же самые по сути. Только ещё наглей и бесцеремонней. Но и тем, и этим новым, правда не нужна. А уж справедливость тем более.

А он? Чего он добился в жизни? Семья распалась. Друзья разбежались. Даже, казалось бы, самые преданные. Бывшие спекулянты и фарцовщики теперь уважаемые люди. Элита. Они во власти. Строят теперь новое светлое общество – капитализм. Они сыты и довольны. Они расстреливают парламент. А то, что треть населения страны в нищете, их нисколько не волнует.

Как-то сын с Урала прислал ему письмо, в котором были горькие слова: «Ты, отец, учил нас честности, порядочности. Но не научил нас приравниваться к обстоятельствам, притворяться, предавать. Ну и что в сухом остатке? Где она твоя правда и справедливость? И я потихоньку стараюсь исправиться, чтобы не оказаться, как ты, на обочине. И тебе, папа, пора смириться. Вон дядя Федя, твой закадычный дружок, теперь у нас глава района. Не подступиться. Я пытался к нему пробиться, надо было решить кое-какие проблемы. Так не принял он меня, будто и не знал раньше. А ты всё донкихотствуешь. Завязывай с этим делом, пока не поздно. Вот и мама такого же мнения».

По ночам ему не спалось. А в полудрёме, когда удавалось чуть-чуть уснуть, приходили к нему герои его обличительных статей и фельетонов. Они чего-то требовали от него, что-то хотели. Он открывал глаза, понимая, что это был не сон, а нечто другое, застрявшее в его мозгах. Ивана Ивановича по-настоящему стала мучить бессонница. Он пил лекарство. Не помогало. Он закрывал глаза, и полчища московских крыс бегали вокруг него и скалили зубы.

Как-то ему вспомнилась московская старушка, очень интеллигентная женщина, встретившаяся на одной из узеньких улочек в Сокольниках. Он искал тогда старую церквушку времён тридцатых годов, где, возможно, его крестили две сестры – его мама и тетя Поля. Узнал об этом Иван Иванович уже после смерти мамы. Он тогда на её поминках посетовал, что живёт нехристом.

– Это ты-то нехристь? – возмутилась тогда тетя Поля. – Крещённый ты! Мы вместе с Леночкой, тайно, конечно, мы же комсомолочки были, в Сокольниках тебя, в маленькой церквушке окрестили, священник совершил над тобой православный обряд.

И вот в один из своих приездов в столицу Иван Иванович и отправился на поиски того небольшого храма, и старушка подсказала ему дорогу к той церквушке.

Но в тот раз, хотя и нашел он, где был тайно крещен, не решился войти внутрь маленького церковного сооружения, чудом уцелевшего в круговерти уничтожения православных храмов. С Богом общаться он тогда был ещё не готов. А потом опять жизнь его завертела.

«Может быть, потому я оказался в этой раскольничьей глухомани? – вдруг пришла к нему той ночью запоздалая мысль». Та старушенция ему тогда не только подсказала, где искать место его крещения, но как-то очень пристально глянув на него, назидательно произнесла: «Жить без Бога нельзя. Видишь, что в нашей Москве творится. Поклонись храму, сынок». И она ушла, обдав его ароматом каких-то старинных духов, напомнив ему маму.

Письмо сына не выходило из головы. То, что Павел решил приспособливаться к новой жизни, было и понятно, и закономерно. Как говорится, хочешь жить, умей вертеться. Многие теперь пытаются приноровиться к иным, чуждым его пониманию, правилам, диктуемым

новыми властями страны. Но вот то, что сын призывал отца смириться, это его покорило и оскорбило. Знает ведь, что его родитель никогда ни перед кем голову не гнул.

– С кем и с чем, Павлуша, мне смириться? – мысленно спорил он с сыном. – С теми, кто ухватился за власть ради собственной выгоды? Постой-постой, – вдруг укорил он сам себя. – А что раньше таких ретивых чиновников не было? Тех, кого он, несмотря на цензуру, умудрялся обличать? Много их было и тогда. И они жестоко мстили всем, кто пытался с ними сражаться. Но ведь были и такие редактора, которые печатали его басни, фельетоны, едкие заметки. Как-то он написал статью о первом лице города, который был нечист на руку. Статью, конечно же, не пропустили, а самого Смирнова жестоко избили некие «хулиганы», которые прошипели ему в разбитое лицо:

– Убирайся из города. Не то...

– Ну, вот, – вместо утешения сказала тогда ему супруга. – Хочешь, чтобы и сына нашего?.. – и расплакалась.

Они перебрались в другой город, и он устроился в городскую газету в отдел писем. Поначалу вёл себя тихо: копался в архивах их древнего сибирского городка. Писал о декабристах, о разном всяком. Но надолго его не хватило...

И вот сегодня у власти те же чиновники, бывшие коммунисты. Теперь они в других партиях. И всё повторилось. А таких, как он, расстреляли в Белом Доме.

Когда Смирнов всё же приехал в Москву и посетил своих бывших собратьев по перу, они встретили его недружелюбно. Иван Иванович решил, что его бывшие коллеги не могут простить ему того, что он не захотел работать в их оппозиционной газете.

– Зря ты, Иван, – сказал ему тогда новоиспечённый редактор. – Бежишь от трудностей? Боишься?

– И это ты говоришь мне? – озадаченно глядя на старого приятеля, спросил Смирнов.

– Ну, то, что тебя при советской власти притесняли, знаем, – глубокомысленно изрёк он. – А мы построим новое общество. В нём будут править демократы.

– А что тебе, Веня, лично плохого сделала советская власть? – с иронией глянув на бывшего приятеля, хмыкнул Иван Иванович. – Тебя, как меня, выгоняли с работы? В чём-то уличали? Ты, помнится, такие восторженные статьи писал. Хвалил.

– Причём всё это?

– А не причём. Советская власть не причём. А вот чиновники – да. Они меня и истязали. И эта власть будет не лучше. Что касается новой страны, демократии, знаешь, поживем-увидим.

И вот теперь, глядя на сумрачные лица бывших друзей по перу, Иван Иванович догадался, что именно их злит: он уехал тогда, а они вынуждены были приспособливаться.

И эту его мысль подтвердил Лёнька Молокоедов, с которым они когда-то работали на Урале.

– Понимаешь, – горячился он, – стреляли по Белому дому! По парламенту. Весь мир это осудил.

– И вы, надеюсь, об этом написали в газете? – перебивая его взволнованную речь, спросил Смирнов.

– А кто ж нам позволил бы? – усмехнулся Молокоедов.

– Что, так уж и запретили?

– Да никто не запрещал, – загалдели, сидящие в комнате. – Но ведь мы за Ельцина были.

– А он в ваши демократичные души картечью, картечью! – съязвил Смирнов.

Все обиженно замолчали. Иван Иванович ушел, понимая бессмысленность дальнейшего разговора.

С тяжёлым сердцем возвращался он к себе в Углово. Смирнов понимал, что был несправедлив к своим бывшим коллегам. И люди они в принципе неплохие. И пером владеют. Пове-

рили в демократию? А кто ж мог предполагать тогда в девяностом, что за ним последует девяносто первый, и рухнет Советский Союз, и вот она развязка – девяносто третий. И потом, не все же готовы идти на амбразуру. Вот и Лёнька такой он, какой есть.

Да, нехорошо, что он не сдержался. Может, потому у него и друзей не осталось, что слишком уж резок и категоричен... Но что же дальше? Сам-то забился в своё Углово и превратился в обыкновенного обывателя. Страна куда-то катится, а он в ней лишний? Кто знал, что Ельцин выкинет такой фортель. Хотя в истории России были и Ленский расстрел, и другие кровавые события. Но это были другие времена, другая власть. Впрочем, и при советской власти такое случалось. Хотя бы в том же Новочеркасске. Значит, всё закономерно? Эти мысли будоражили его психику, и бессонница не давала ему покоя.

И в одну из таких ночей, после долгих размышлений о смысле жизни, о том, с чем смириться, кого простить, он вдруг внезапно уснул. И явился к нему сам Иван Грозный, царь-батюшка. Вошёл в его холостяцкую хату, оглядел её и хмуро посмотрел на него, холопа:

– Ну, что, борзописец, загнал себя в деревню к раскольникам? Русь гибнет, а ты отсиживаешься тут? – Царь укоризненно покачал головой и вышел из избы.

Иван Иванович соскочил с кровати, откинул крючок на дверях, и чуть не свалился с крыльца, коснувшись голыми ступнями стылой земли.

Но он словно не замечал ничего, и только напряжённо вглядывался в даль, где темнел лес, почти вплотную подступивший к деревне. Будто хотел убедиться, что не сон это был, а явился в Углово сам царь Иван Грозный. А деревья вдали, чуть колыхаемые ветром, о чём-то перешептывались друг с другом. Заканчивался 1993 год...

Невольный убийца

Представьте себе, жил в одном селении человек. Назовем его Сидором. Имя у него, конечно, другое, но не в этом суть. Зачем тревожить его кровоточащие раны. Сейчас он, наверное, благодаря амнистии или ещё какому-нибудь судебному решению, вышел или скоро выйдет на волю. Может быть, и не прочитает этих строк. И всё же... Другие прочитают и что-то, как говорится, ёкнет в их душах. Или вспомнят подобную историю.

Так вот, жил этот человек по имени Сидор в селении, которое затерялось в наших кавказских горах. Ничего себе жил. На судьбу особо не жаловался, не роптал. Жил себе и жил. Жену, правда, с которой он вековал не один десяток лет, схоронил. И единственной его радостью и надеждой была дочка. И звали её Надежда.

И так этому Сидору хотелось, чтобы всё у неё в жизни сложилось. И замуж удачно вышла. Если не по любви, то хотя бы по согласию. И внуков бы нарожала. И чтобы в руках у неё горело любое дело. Как у него самого. За что ни брался, все у него получалось. Был он и шофёром когда-то в молодости. На северах лес вывозил. Другие профессии осваивал. Потом, когда вернулся в родные края, кузнецом стал. Да каким! С других станиц и хуторов к нему приезжали, чтобы выполнил тот или иной заказ. А он, пожалуй, из тех русских, что и блоху мог подковать.

В свои пятьдесят с хвостиком, когда его ремесло никому не стало нужно, превратился в садовода и пчеловода. Улики у него стояли в саду. И обращался он с пчёлами как с родными. А они его мёдом потчевали.

Так и жил. Но не знал этот Сидор, какая беда его подстерегает... Надежда, дочь, его любимица, не хотела жить в селении. Молодая, ей хотелось жить по-иному. Красиво.

– Вы, папаня, поживите пока здесь один. А я в город уеду. Там получу профессию. Может, и мужа найду, а потом вас заберу. – И Надежда сладостно улыбнулась, предвкушая, как ей будет там хорошо.

Что мог сказать Сидор своей дочери? Только одно: береги там, в городе, себя. Не поддавайся искушениям.

И уехала девчонка в город. Училась, работала. Одно время, как и многие тогда, «челночила» даже. А по ночам бегала по дискотекам. Веселилась.

И жених нашелся. Эдакий красавец-молодец. С лихими усами. И не менее лихими делами. Одним словом «новый русский». Стали они с дочкой Сидора вместе жить. Даже сходили в загс. Зарегистрировались.

Денег у Игоря, так звали её мужа, было много. Где он их брал, она не знала. Да и не хотела знать. Так что жили они припеваючи. Весело и беззаботно. Но однажды к ним на квартиру, которую Игорь купил в самом центре города, пришли какие-то молодые крепкие парни. Сначала они громко разговаривали с Игорем, денег от него требовали. А потом стали его бить. А когда он им ничего не дал, посадили на стул и сказали:

– Смотри, что сейчас будет.

И схватили они Надежду, сорвали все, что на ней было, и стали насиловать. На глазах у мужа. Вчетвером. Двое держали, третий делал своё чёрное дело, а четвёртый скалился и подначивал Игоря.

Тут бы ему вскочить – бугай-то он здоровый – и защитить любимую женщину. Но он так и сидел на стуле. А Надежда билась, кусалась, кричала. Однако сладить с четырьмя насильниками не могла...

Потом, когда они ушли, и Надежда чуть живая, истерзанная и униженная, поднявшись с пола, присела, Игорь так спокойненько ей сказал:

– Надо отсюда сматываться. А денег я им так и не дал! – победно заключил он.

– Как? – задрожали у неё губы, – у тебя были деньги? И ты, ты позволил им... Они ж меня.., – она не смогла сдержать рыданий. – Ведь я твоя жена!..

– А ты хотела, чтобы они меня убили? – зло оборвал он её, – и наши деньги забрали?

Надежда ничего не ответила. А когда Игорь уснул, собрала свои пожитки и отправилась на вокзал. Отцу она ничего не стала рассказывать. Он, конечно, догадывался, понимал, что с его дочерью какая-то беда приключилась. Но молчал. Не спрашивал.

А потом приехал Игорь. Он стал умолять Надежду вернуться к нему. Говорил, что он её простил. А когда она молча от него отвернулась, стал оскорблять её и бить.

Сидор, услышав в хате крики, вбежал в дом. Увидев заплаканную дочь, накинулся на обидчика, рванул его за ворот рубахи. Но тот так саданул Сидора в солнечное сплетение, что он свалился ему под ноги. а Игорь невозмутимо перешагнул через него и вышел во двор.

Когда Сидор немного отдышался, он выскочил следом за зятем. Тот спускался по тропинке от дома вниз, к стоявшей на обочине дороги машине. И тогда Сидор схватил здоровенный камень и швырнул вслед. И он, на беду, догнал Игоря и пригвоздил к земле.

Сидора судили за убийство. Срок дали, и немалый...

Вот и вся история. А в ней искалеченные судьбы. Сидора, который гнул железо, но никогда и птахи не обидел. Надежды, которой хотелось пожить красиво. Игоря, молодого мужика, которого схоронили на сельском кладбище.

Ополченец

Ему на вид под пятьдесят. Лицо добродушное, а вот глаза чуть зеленоватые, какие-то грустные, словно в них поселилась тревога, и он не может её унять. Правая рука на привязи.

– Вишь, река буянит... с характером, – сказал он мне, глядя на Дон, который сегодня был уж слишком беспокойный.

– Низовка, ветер гонит волну от Азовского, – объяснил я ему.

– Да знаю, – отмахнулся он. – Раньше я часто здесь бывал. Друзья-афганцы из казачьего племени живут здесь на Дону. Я не к тому. У нас тоже реки резвые. Чуть зазеваешься, и проглотит тебя, не успеешь опомниться. А вода холоднющая. На дворе жарница, а она, зараза, прости меня господи, достанет тебя до костей.

– У вас, это где?

– На Урале. В Пермской области. Бывал там?

– Приходилось.

Так мы и познакомились. Оказалось, что Харитон – редкое по нынешним временам имя – поджидал в Ростовском речном порту своего земляка из Таганрога.

– А с рукой что? – спросил я.

– Это там, – мрачно кивнул он, оглядываясь назад. – Под Луганском, миной шарахнуло, да мимо. То и обидно. Отбросило меня взрывной волной метров на пять. На руку и упал. Думал, сломал. Боль такая... Я уж давно такой не испытывал. А мне ж стрелять надо. Я ж не левша, чай.

– Вроде не по возрасту воевать, – заметил я.

Ополченец скорчил гримасу:

– Там же наши ребята бьются. А я дома буду отсиживаться. Не по-русски это. И как назло, под мину попал. Пришлось с беженцами в Ростов добираться, чтоб подлечиться. Где ж мой кореш? – обеспокоенно оглядываясь по сторонам, нахмурился он. – Должен был уже появиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.